

УДК 101.2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ¹

Дыдров А. А.

Аннотация: *Интенсивное развитие инфокоммуникационных технологий и сети «Интернет» обусловило серьезные изменения во всех сферах жизни общества. Применительно к научно-исследовательским практикам эти изменения касаются не только способов изучения предмета (методологию) и спецификации эмпирического материала, но и понятийно-терминологического аппарата, а также парадигмальных основ научного знания. В частности, очевидны перемены в российской источниковедческой парадигме, кристаллизовавшейся благодаря разработкам 50-80 гг. в СССР. Уже в 80-х гг. в источниковедении доминировал плюрализм, признающий в качестве исторических источников как классические нарративные документы (летописные своды), так и различные микроформаты (марки, монеты и т. д.). В цифровую эпоху число микроформ существенно возросло: мемы, демотиваторы, gif-формат, клипы, short stories, «твиты» буквально заполняют цифровое пространство и являются трендовыми форматами сети. В связи с этим вопросы о пригодности новых микроформ для научных исследований и об их статусе как исторических источников актуальны для современной науки, неразрывно связанной с инфокоммуникационными технологиями.*

Ключевые слова: *исторический источник, цифровая эпоха, источниковедение, «микроформаты», «born-digital».*

Проблематика исторического знания на протяжении фактически всей эволюции истории от кодификации преданий до архивных исследований и реконструкции событий в значительной степени была неразрывно связана с вопросом о достоверности источников. Кроме того, работа с верифицированным референтом, гарантирующим подлинность события, существенно осложнялась функционированием запускаемых исследователем интерпретационных механизмов (Фуко). Производство исторического знания не может избежать ни проблемы доверия источнику, ни проблемы выбора этого источника. Любое знание (и историческое не является исключением) существует наряду со своими же собственными метаязыками (Барт), проблематизирует их и превращает в особый предмет исследования. Это, очевидно, происходит потому, что метаязык неизменно оказывается прослойкой, одновременно связывающей и демаркирующей событие и фигуру интерпретатора.

В фокусе исследовательского метаязыка находится маркировка события, оценка его значимости, определение детерминаций («событие X привело к...», «было обуслов-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

лено ...» и т. д.) и выбор исторических источников. Научный историографический язык, в свою очередь, находится в юрисдикции философии истории, изучающей способы дескрипции событий, форматы интерпретации, механизмы производства исторического знания и другие сопряженные предметы. Эволюция исторического знания, общеизвестно, привела к постановке ряда вопросов об исторических источниках, – и речь отнюдь не только об их верифицируемости, но и о самом выборе источниковой базы, а также о созданных дискурсивных механизмах, соответствующих логике такого выбора. Обозначенная проблема была зафиксирована еще в ницшеанских «Несвоевременных размышлениях»: историческое знание складывается как «монументальное воззрение на прошлое, т. е. изучение того, что является классическим и выдающимся в прежних эпохах» [7, с. 99-100]. Издержки подобного «воззрения» (в другой вариации – «изображения») очевидны, так как целые пласты прошлого предаются забвению и превращаются в «серый, однообразный поток» [7, с. 100]. Напротив, если историк предпочтет «антикварную» методу, то на выходе образуется бессистемный дискурс.

По оценке В. Дильтея, в единстве предмета, выбранного в качестве темы исследования, уже заложен принцип отбора [5, с. 211]. В контексте данной статьи мы не будем акцентировать внимание на спецификации этого «отбора» и не станем выяснять, действительно ли принцип отбора «залегает» в предмете или волюнтаристски определяется самим историком. Разумеется, принцип отбора касается не только предмета (темы) исследования и пересказа событий, образующего нарратив, но и исторических источников. В отличие от отбора событий, выбор источников в некотором смысле считается «дополняющим» исследовательскую деятельность (т. е. выполняет миссию рабочей задачи). Однако благодаря этой рабочей задаче и закладывается фундамент нарратива. Возникновение источниковедения как отрасли исторического знания послужило формированию историософского метаязыка, реагирующего не столько на проблемы интерпретации событий, сколько на специфику самих источников. Аналитика публикаций Российского индекса научного цитирования за 2020-2022 гг. результировалась выявлением определенной закономерности: подавляющее большинство исследований в области источниковедения посвящено конкретным документам. Среди них мемуары, песни, списки, архивные описи, протоколы заседаний, пиктограммы, письма, эпосы, рассказы, повести и романы, газеты, родословные книги и т. д. Этот список можно продолжать, однако и приведенных примеров достаточно для того, чтобы четко видеть: исследовательские практики историка фундируются «грамматикой множественности» (Вирно). Проблема в том, какие символы этой грамматики исследователь *решился* использовать, как *интегрирует* их в комплексы и *интерпретирует* полученный результат. У субъекта научно-исследовательских практик, знающего о циркулирующих в пространстве публичности принципах объективности и беспристрастности, всегда остается выбор: принять или отбросить, интегрировать или маргинализировать.

С развитием инфокоммуникационных технологий старую источниковедческую парадигму необходимо уточнять. Стоит оговориться, что сама эта парадигма складывалась в советское время в период с 50-х по 80-е гг. За это время были опубликованы

сотни научных работ по источниковедению, организованы симпозиумы и семинары. В коллективной монографии 1982 г. под эгидой АН СССР было обозначено, что «вопрос о критериях выделения видов письменных источников, в том числе и массовых, остается открытым» (Лубский, Пронштейн) [6, с. 10]. По замечанию авторов, «в основу классификации исторических источников может быть положена природа различных их видов», что свидетельствует о сложности и множественности предмета, не поддающегося рациональной схематизации. В оптике выраженных взглядов вопрос «следует ли считать историческим источником артефакт N (н-р, «Утопию» Мора)?» выглядит несостоятельным.

Инфотехнологии обусловили зарождение в 90-х гг. XX в. так называемого «компьютерного источниковедения», претендовавшего на статус направления исторической научно-исследовательской практики. В самом общем виде, по замечанию А. Г. Варфоломеева и А. С. Иванова (со ссылкой на сборник научных трудов 1996 г.), на авансцену были выведены аналитические и технологические аспекты новой исследовательской деятельности [3, с. 5]. В действительности возможности компьютерного источниковедения представляются ученым куда более значительными: в его юрисдикции находятся репрезентация, обработка, изучение и интерпретация информации любых (в том числе т. н. «слабоструктурированных») исторических источников [3, с. 10]. По оценке многих исследователей, компьютерное источниковедение обеспечивает перспективность подходов к архивам и слабоструктурированным данным².

Современные исследователи в области компьютерного источниковедения акцентируют особое внимание на широком спектре возможностей информационных технологий для работы с историческими нарративами. В частности, в одной из недавних статей специалисты по исторической информатике, д.и.н. Л. И. Бородкин и В. Н. Владимиров указали на следующие направления и инициативы: 1. Инициатива «Сбербанк» по расшифровке рукописей Петра I с помощью алгоритмов искусственного интеллекта; 2. Программное обеспечение для анализа источников (например, «Релатус»); 3. Применение фреймовых и экспертных систем искусственного интеллекта; 4. Создание специальных языков программирования (например, «Prolog»); 5. Применение машинного обучения в конкретно-исторических и археологических исследованиях, в практиках сохранения культурного наследия [2].

В условиях интенсивного развития инфокоммуникационных технологий историческое знание реагирует и не может не реагировать на меняющийся технологический уклад, влияющий, в свою очередь, не только на организацию научно-исследовательских практик, но и на мировоззрение ученого. В контексте формирующейся парадигмы закономерен вопрос: возникают ли в эпоху «третьей волны» (Тоффлер) собственно

² См., н-р, Савушкин Л. М. К вопросу об источниковедении исторической науки советского и постсоветского периода. *Центральный научный вестник*. 2019. Т. 4. № 2 (67). С. 67-68. С. 68; Володин А. Ю. Шифры цифры: поиск ответов на трудные вопросы // *Историческая информатика*. 2019. № 3. С. 43-56. С. 43-44; Бородкин Л. И., Владимиров В. Н. Историческая информатика в контексте науки о данных (по материалам круглого стола) // *Историческая информатика*. 2020. № 2. С. 208-219. С. 209-210.

исторические источники? Разумеется, речь идет не о репрезентации и тиражировании признанных исторической наукой документов, получивших «вторую жизнь» благодаря оцифровке, а о собственно цифровых источниках.

Одно из направлений развития т. н. «цифровой истории» (Digital History) связано с социальными медиа и долевым участием пользователей в создании коллективных Интернет-ресурсов [3, с. 19], включающих в себя гипертексты (Wiki), видеохостинги, фотоархивы, образовательные платформы, картографические материалы и т. д. Пользователь при этом либо реализует собственный потенциал в практике формирования общего цифрового контента, либо создает персонализированный контент, имеющий «авторский почерк». Цифровая история в обозначенном направлении имеет дело с коллективными и масштабными Интернет-ресурсами, кодифицированными источниками, имеющими сложную структуру, включающими в себя слабо поддающееся анализу множество элементов. Однако в историческом сообществе закономерно появился вопрос об исследовательском потенциале born-digital. Этим термином обозначается контент, изначально появившийся в цифровой среде и фундированный соответствующими компьютерными технологиями. Западные ученые еще в прошлом десятилетии говорили, например, о born-digital images [10, p. 39], sound documents [13], шире – о born-digital resources [11, p. 240] и born-digital data [14, p. 137]. Преимущественно «рожденные цифровыми» источники обсуждались в терминах computer science и алгоритмов технической деятельности, например, направленной на извлечение текстового слоя из born-digital image. В исторической науке еще нет общепринятой кодификации born-digital источников, а их статус, как уже было сказано, находится под вопросом. Для историков, однако, не секрет, что фиксация статуса источника в качестве исторического не является кратковременной процедурой и, как правило, сопровождается длительной дискуссией в научном и непрофессиональном сообществах. По оценке Л. И. Бородкина (со ссылкой на западное исследование), проблематична дескрипция цифровых источников [1, с. 15]. Кроме этого, существенно возрастают риски утраты историком контекста в ходе работе с конкретными цифровыми материалами. Этот риск катализируется разрозненностью born-digital материалов, свободным тиражированием и распространением источников в сети. Проще говоря, цифровые источники не кодифицированы в архивах. Стоит помнить об очевидном факте, что историк не только работает с архивом, а последний и сам является результатом систематизации в научной, политической и социально-культурной практике. Открытие документа, установление его подлинности, определение условий возникновения и, наконец, содержательная аналитика – все это, в самом общем виде, элементы комплексной научной работы.

Статус растровых графических изображений, цифровых картинок и фотографий, мемов, демотиваторов, постов, short stories, профильных статусов и «tweet'ов» в цифровом контенте не определен в виду уже указанных причин. Кроме того, в отличие от объемных Интернет-текстов и видеоматериалов, все перечисленные объекты являются *микроформатами*. Внимательный взгляд на цифровые микроформаты позволит избежать логически необоснованного «прыжка»: источники, имеющие технически фиксируемый

малый вес, не являются а priori малоинформативными. Разумеется, информативность неразрывно связана с исследовательской оптикой, содержанием научных задач и предварительными ожиданиями ученого. Микроформаты, как и традиционные исторические источники (берестяные грамоты, лубочное искусство и т. д.), могут стать материалом для обобщающих, концептуальных исследовательских схематизаций и предметом «индивидуализированного» научного подхода. Иными словами, born-digital microforms возможно вписать (и эта тенденция уже намечается) как в макро-, так и в микронарративы.

Все обозначенные форматы аккумулируют, интерпретируют и транслируют историческую память [9, с. 92] и при этом содержат культурные коды, «следы эпохи», требующие аналитики и дескрипции. В born-digital источниках расползаются различные семантические напластования от моды, стиля, жестов и мимики до специфики вербальной коммуникации и истории языка. Очевидно, что устоявшиеся форматы, во-первых, реагируют на тренды, а во-вторых, сами выступают в качестве микрособытий (по крайней мере, в «монументальной» традиции). История показывает, что практики потребления способны преобразовывать артефакты в предметы коммерции, культа, развлечения и науки. Факт, что сегодня микроформаты преимущественно служат развлечению, не означает, что завтра они не станут историческими источниками и не будут обслуживать научные парадигмы. Обозначенные «born digital» источники относятся к «микроформатам», а это де-факто характеризует их с формальной, но не с содержательной стороны. Спорадический, неконтролируемый прирост контента затрудняет любые классификации и типологизации цифровых источников по содержанию. Традиционные классификации, репрезентирующие исторические источники в соответствии с известными сферами жизни общества, редуцируют разнообразие микроформатов, размещая их на прокрустовом ложе устоявшихся парадигм. Цифровая среда диктует специфические условия циркуляции микроформатов. В 2017 г. Российские СМИ опубликовали новость о тестовом увеличении допустимого числа знаков в twit'ах. Инновационистская политика корпорации обосновывалась тем, что ограничение в 140 знаков не позволяет пользователям выразить свои мысли. В связи с этим предлагалось изменить допустимую величину до 280-ти. Инициатива была встречена недружелюбно, что обосновывалось апелляциями к особой twit-культуре и атмосфере, ссылками на умение точно и лаконично выражать идею. В отношении к twit-дискуссиям можно сказать, что born-digital микроформаты задают не только технические, но и смысловые границы. Традиционно, в сопровождении ссылок на доминирование «клипового сознания», эти границы воспринимаются в негативистском ключе. Игнорирование или деструктивная критика микроформатов, по самой общей оценке, окажет неоднозначное влияние на гуманитаристику, поставит под вопрос эмпирические исследования и ограничит межпоколенческую передачу социально-культурного опыта.

Таким образом, тенденции развития информационных технологий и неразрывно связанных с ними больших и слабо структурированных данных, а также многочисленных пользовательских практик по созданию контента детерминирует проблемный вопрос: меняется ли статус исторического источника? По утверждению зарубежных исто-

риков, доказательная база «смещается в сторону цифровой» [12]. Данное утверждение не следует интерпретировать радикально, так как наряду с цифровыми сохранились и традиционные источники. Однако показательно уже само появление подобных пропозиций: оно проблематизирует тему верификации born-digital ресурсов. В особенности этот вопрос обостряется в отношении к т. н. «микроформатам», на многообразии которых мы указали в основной части статьи. По существу, вопрос переформулируется следующим образом: может ли историк использовать в качестве источников «твиты», мемы и демотиваторы, gif-файлы и прочее? На наш взгляд, не следует отвечать на обозначенный вопрос резко отрицательно, ссылаясь на проблему верификации (ее действительно нельзя оставлять за скобками). Дело в том, что цифровые «микроформаты» дают информацию о многообразии интерпретативных практик, повседневных обывательских реакция на события, и в этом контексте органично вписываются в «историю повседневности». Так, например, в рамках истории повседневности анализу подвергалось многотомное собрание писем читателей «Литературной газеты» [8, с. 163]. «Микроформаты», как и читательские письма, не могут быть достаточным основанием верификации фактов, но они передают настроения эпохи, свидетельствуют о ценностных трансформациях, эволюции языка и общения, быте и нравах прошлого.

Список литературы

1. Бородкин Л.И. Digital History: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. №1. С. 14–21.
2. Бородкин Л. И., Владимиров В. Н. Историческая информатика в контексте науки о данных (по материалам круглого стола) // Историческая информатика. 2020. № 2. С. 208-219.
3. Варфоломеев А. Г., Иванов А. С. Компьютерное источниковедение: семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013.
4. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem Press, 2013.
5. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собрание сочинений в 6 тт. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004.
6. Источниковедение отечественной истории / под ред. В. И. Буганова. М.: Наука, 1982.
7. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Несвоевременные размышления. Из наследия 1872-1873 гг. Т. 1/2. М.: Культурная революция, 2013.
8. Смирнова Т. М. История общества сквозь призму истории школьной повседневности // Российская история. 2020. № 6. С. 161-165.
9. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021.
10. Jian Z., RenHong C., Kai W., Hong Z. (2014) Research on born-digital image text extraction based on conditional random field. International Journal of High

- Performance Systems Architecture. V. 5, I. 1, pp. 39–49.
11. Li Q., Wu Q. (2012) The efficient exploitation of born-digital resources driven by value assessment. *Geomatics and Information Science of Wuhan University*. V. 37, I. SUPPL.1, pp. 240–242.
 12. Owens T., Padilla T. (2021) Digital sources and digital archives: historical evidence in the digital age // *International Journal of Digital Humanities*. №1, pp. 325-341.
 13. Reséndiz P.O.R. (2017) Principles proposal to be taken into account for the preservation of born digital sound documents. *Anales de Documentacion*. V. 20, I. 2.
 14. Smith C., Adolphs S., Harvey K., Mullany L. (2014) Spelling errors and keywords in born-digital data: A case study using the teenage health freak corpus. *Corpora*. V. 9. I. 2, pp. 137–154.

Сведения об авторе

Дыдров Артур Александрович – д-р филос. наук, доцент, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), профессор кафедры философии.

E-mail: zenonstoik@mail.ru

A. A. Dydrov

HISTORICAL SOURCES OF THE DIGITAL AGE³

Abstract: *The intensive development of information and communication technologies and the Internet has led to serious changes in all spheres of society which have not yet been fully realized by the scientific community. As applied to research practices, these changes concern not only the methods of studying the subject (methodology) and the specification of empirical material, but also the conceptual and terminological apparatus, as well as the paradigmatic foundations of scientific knowledge. In particular, there are obvious changes in the Russian paradigm of source studies crystallized thanks to the developments of the 50-80 years in the USSR. Already in the 80s. pluralism dominated in source studies recognizing as historical sources both classical narrative documents (chronicles) and various «micro formats» (birch bark letters, coins, etc.). In the digital era, the number of microforms has increased significantly: memes, demotivators, gif format, clips, short stories, «tweets» literally fill the digital space and are the trending formats of the network. In this regard, questions about the suitability of new microforms for scientific research and their status as historical sources are relevant for modern science, inextricably linked with information and communication technologies.*

Keywords: *historical source, digital era, source studies, «micro formats», «born digital».*

3 The research was supported by Russian Science Foundation «Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups» (regional competition) 22-18-20011 «Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)»

References

1. Borodkin L.I. Digital history: primenenie cifrovyh media v sohranении istoriko-kul'turnogo nasledija? [Digital history: the use of digital media in the preservation of historical and cultural heritage?] // Istoricheskaja informatika. 2012. №1, pp. 14–21.
2. Borodkin L. I., Vladimirov V. N. Istoricheskaya informatika v kontekste nauki o dannyh (po materialam kruglogo stola) [Historical informatics in the context of data science (based on the materials of the round table)] // Istoricheskaya informatika. 2020. № 2, pp. 208-219.
3. Varfolomeev A.G., Ivanov A.S. Komp'yuternoe istochnikovedenie: semanticheskoe svjazyvanie informacii v reprezentacii i kritike istoricheskikh istochnikov [Computer Source Studies: Semantic Linking of Information in the Representation and Criticism of Historical Sources]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2013.
4. Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni [A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life]. Moscow: Ad Marginem Press, 2013.
5. Dilthey W. Postroenie istoricheskogo mira v naukah o duhe [The Formation of the Historical World in the Human Sciences]. T. 3. Moscow: Tri kvadrata, 2004.
6. Istochnikovedenie otechestvennoj istorii [Source study of national history]. Ed. by V.I. Buganova. Moscow: Nauka, 1982.
7. Nietzsche F. O pol'ze i vrede istorii dlja zhizni [On the Advantage and Disadvantage of History for Life]. T. 1/2. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2013.
8. Smirnova T. M. (2020) Istoriya obshchestva skvoz' prizmu istorii shkol'noj povsednevnosti [The history of society through the prism of the history of school everyday life] // Rossijskaya istoriya. № 6, pp. 161-165
9. Tihonova S.V., Artamonov D.S. Istoricheskaja pamjat' v social'nyh media [Historical memory in social media]. Saint Petersburg: Aletejja, 2021.
10. Jian Z., RenHong C., Kai W., Hong Z. (2014) Research on born-digital image text extraction based on conditional random field. International Journal of High Performance Systems Architecture. V. 5, I. 1, pp. 39–49.
11. Li Q., Wu Q. (2012) The efficient exploitation of born-digital resources driven by value assessment. Geomatics and Information Science of Wuhan University. V. 37, I. SUPPL.1, pp. 240–242.
12. Owens T., Padilla T. (2021) Digital sources and digital archives: historical

- evidence in the digital age // International Journal of Digital Humanities. V. 1, pp. 325-341.
13. Reséndiz P.O.R. (2017) Principles proposal to be taken into account for the preservation of born digital sound documents. *Anales de Documentacion*. V. 20, I. 2.
14. Smith C., Adolphs S., Harvey K., Mullany L. (2014) Spelling errors and keywords in born-digital data: A case study using the teenage health freak corpus. *Corpora*. V. 9. I. 2, pp. 137–154.

Arthur A. Dydrov – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, South Ural State University (National Research University), Full Professor at the Department of Philosophy.

E-mail: zenonstoik@mail.ru